

ЦЕНЗУРА

ВСЕ
АФОРИЗМЫ
ФАИНА
РАНЕВСКАЯ

Так говорила Раневская

Файна Раневская

Все афоризмы

«Яуза»

УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Раневская Ф. Г.

Все афоризмы / Ф. Г. Раневская — «Яуза», — (Так говорила Раневская)

ISBN 978-5-9955-0915-8

Первая самая полная публикация острот, анекдотов, афоризмов и шаржей гениальной актрисы, которая никогда не стеснялась в выражениях и умела рассмешить до слез и высмеять наповал, а ее забористые шутки, нецензурные откровения, площадная мудрость и «вредные советы» актуальны до сих пор! «Не найти такой задницы, через которую мы уже чего-то не сделали бы». «Надежный тыл почему-то всегда оказывается голой ж...й!» «Удача приходит ко всем. Только к некоторым – задом...» «Чтобы и овцы были целы, и волки сыты – нужно сожрать пастуха». «Не деньги портят людей, а люди – деньги!» «Деньги, конечно, грязь, но до чего же лечебная!» «Лучше уж не встретить мужчину своей мечты и думать, что вы просто разминулись, чем встретить и понять, что мечтала не о том...» «Красота – страшная сила, и с каждым годом всё страшнее и страшнее...»

УДК 821.161.1-84
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-9955-0915-8

© Раневская Ф. Г.
© Яуза

Содержание

Раневская шутит. Неизвестные афоризмы	6
Предисловие	6
О театре и актерах	8
Раневская и Завадский	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фаина Раневская

Все афоризмы

© ООО «Яуза-пресс», 2017

* * *

Раневская шутит. Неизвестные афоризмы

Предисловие

Британская театральная энциклопедия внесла имя Фаины Георгиевны Раневской в список лучших актрис всех времен и народов.

В России ее помнят, как «Мулю» из фильма «Подкидыш», которую нельзя нервировать (кстати, Мулей звали мужа героини), мачеху из «Золушки», связей которой боялся даже король, тапершу из фильма «Александр Пархоменко» – курящую, жующую и поющую одновременно, и т. п.

В каждом фильме, где у Раневской была хотя бы эпизодическая роль, запоминалась прежде всего она, а сам фильм часто забывался.

Даже в спектаклях участие Раневской привлекало толпы зрителей, иногда меняя суть спектакля. Так было со «Штормом» в театре им. Моссовета, где Раневская играла спекулянтку, на сцену допроса которой в ЧК зрители валили валом и... уходили сразу после этого эпизода из зала. Кроме ее знаменитого «Шо грыте?», в «Шторме» было мало интересного...

Но была у Раневской еще одна грань популярности – ее меткие выражения, которые и окружающие, и совсем незнакомые ей люди обожали и которые надолго пережили своего автора.

Язвительный ум и острый язычок Фаины Георгиевны общеизвестны. Она сыпала остроумиями не потому, что желала острить, это получалось невольно, таким был образ ее мышления. Почти каждый ответ или комментарий можно было записывать и помещать в книгу, но далеко не сразу догадались делать это.

Большинство невольных афоризмов великой актрисы моментально расходились по Москве и становились народным достоянием без авторства. Находились те, кто присваивал авторство себе.

Лишь часть метких высказываний попала в историю именно как афоризмы Раневской. К сожалению, большинство из них с ненормативной лексикой, которой Раневская иногда пользовалась.

Она не употребляла мат, но любила некоторые непечатные слова и выражения, однако это вовсе не было основой речи актрисы, как может показаться из того, что «запомнилось». К тому же многие непечатные слова вовсе не слышались грубо из ее уст, а всего лишь делали речь колоритней.

Данная книга – попытка «выловить» из множества «народных» анекдотов то, что по праву можно отнести к шедеврам Раневской.

Принадлежали ли все эти афоризмы Раневской?

Со стопроцентной уверенностью утверждать нельзя.

Как и то, что здесь собраны все ее меткие выражения или своеобразные комментарии и советы.

Раневская неисчерпаема, и если народная мудрость добавила к ее мудрости еще сотню другую шедевров, которые не стыдно запомнить и при случае произнести, ни великая актриса, ни мы с вами в обиде не будем.

Фаина Георгиевна была блестящей драматической актрисой, но из песни слова не выкинешь, и если народная память поставила ей памятник за острое восприятие нелепости мира, таковой должен стоять, хотя бы в самой памяти. Подобные памятники и дороже, и куда крепче даже мраморных, да и много ценней их.

Фаина Георгиевна говорила, что она «недо...», мол, недоиграла, недолюбила, недожила... Но она все равно осталась не только в списке Британской энциклопедии и в памяти соотечественников не только афоризмами.

Она произносила остроты, не задумываясь, конечно, не делила их по темам и не шутила по заказу. И все же, у нее были «любимые» темы для шуток – отношения с главрежем театра им. Моссовета Юрием Александровичем Завадским, перепалок с которым на каждой репетиции актеры просто ждали, актеры и современное состояние театра, «вредные» советы и т. п.

Фаина Георгиевна давала столь острые характеристики людям, что многие обижались, но такова была Раневская, она не считала нужным скрывать свое мнение, что частенько вредило ее отношениям с окружающими. Ее считали невыносимой старухой, но при этом любили даже те, кого она обижала.

Такова уж Раневская...

О театре и актерах

– Какие-то несчастные 99 % отвратительно играющих актеров портят репутацию целого театра!

* * *

– У нас актрисы готовы играть кого угодно, только бы роль не отдали смертельной подруге. Я вне конкуренции, с молодости играю старух – роли, на которые мало кто претендует. Беда в том, что таких ролей в пьесах мало, авторы помнят о нежелании актрис играть старух, потому и не вводят такие персонажи.

* * *

– У нас в театре сумасшедшая конкуренция среди дураков и бездарностей. Думаю, не только у нас и не только в театре.

* * *

О посредственной актрисе.

– Недостаток таланта и ума компенсирует бешеной активностью. Ей бы лучше в профсоюзе, а не на сцене.

* * *

– Как бы плохо ни играли в этом сезоне, в следующем обязательно найдется кто-нибудь, кто сыграет еще хуже.

* * *

– Раньше актеры на сцене заявляли о себе, а теперь только поддакивают...

* * *

– Идеальных режиссеров не существует – это не мое мнение, так говорят гениальные актрисы, я только поддерживаю их точку зрения.

* * *

– Среди молодых актеров половина по-русски не говорит, вторая не понимает.

* * *

– Хорошо сыгранная роль подобно зеркалу – в ней каждый увидит собственное отражение.

– А если не увидит, Фаина Георгиевна?

– Значит, либо сыграна плохо, либо весь спектакль проспал.

* * *

– Пока Генка Бортников будет отвлекать автографами поклонниц у служебного входа, можно с комфортом уйти через главный.

* * *

– У Музы тоже есть пристрастия. Она терпеть не может серый цвет посредственности.

* * *

Решается вопрос, как быть с молодым актером, который вовсе ничего не может:

– За год ничему не научился, ничего не добился...

Раневская решает заступиться:

– Зато самостоятельно!

* * *

– Если Верка Марецкая Звезда, зачем ей место под Солнцем?

* * *

– Раньше в театре была окружена творцами, а сейчас натворившими...

* * *

После очередной стычки на сцене во время репетиции одна из «сочувствующих» успокаивает:

– Фаина Георгиевна, не нервничайте. Нервные клетки не восстанавливаются.

Раневская фыркает:

– Это ваши не восстанавливаются, а мои так очень даже. А потом еще и мстят тем, кто их погубил! И это стоило бы учитывать некоторым несознательным режиссерам и актерам.

* * *

Услышав в чьем-то выступлении, что этот чиновник от культуры быстро поднялся по карьерной лестнице на самый верх в министерство:

– Он не поднялся, он всплыл... Такие всегда всплывают.

* * *

На репетициях с ней иногда бывало невыносимо сложно. Полностью выкладываясь сама, она требовала этого же и от окружающих, даже от новичков, и, имея привычку не сдерживать эмоции, нередко оскорбляла тех, с кем работала. Кто-то привык и не обращал внимания, кто-то просто молчал, не желая ввязываться или испытывая трепет перед властной актрисой, но были и те, кто обижался, и вполне справедливо.

После одного из таких выпадов Завадский требует:

– Немедленно принесите извинения!

Раневская, еще не остыв от возмущения, фыркает:

– Примите мои оскорбления...

Не заметив, что оговорила, демонстративно удаляется со сцены.

* * *

– Как прошел спектакль?

– На «Ура!».

– Неужели? – сомневается приятельница, зная, что спектакль не очень удачный.

– Зрители кричали «Ура!», когда все закончилось.

– Фаина Георгиевна, о чем задумались?

– У меня закралось подозрение, что нынешние актеры во фразе «души прекрасные порывы» полагают, что «души» – это глагол.

* * *

Начинающему актеру, который на сцене просто невыносим:

– Если не можете играть сами, не мешайте делать это другим! Лучше уйдите, мы ваши реплики между собой распределим.

* * *

– Известные народные артисты это те, кого любят и власть, и народ.

– А неизвестные, Фаина Георгиевна?

– Есть две категории. Те, кому дали звание на юбилей, чтобы отвязаться, и те, кому звания вообще не дали, но народ их любит.

* * *

О новом актере.

– У него на лице написана острая интеллектуальная недостаточность...

* * *

– Бездарности, как сорняки – такие же наглые, крепкие и частые. И так же заслоняют солнце талантам.

* * *

Услышав о неудачном спектакле известного режиссера.
– С опытом даже провалы получаются качественней.

* * *

О режиссере.
– Он всегда хвалит себя вслух, а других молча...

* * *

Марецкая философствует:
– С годами приходят мудрость и опыт...
Раневская театрально вздыхает в ответ:
– Только многих не бывает дома...

* * *

Прислушиваясь к зрительному залу:
– Жидкие аплодисменты подобны поносу – одно расстройство и жаловаться неприлично...
– Учитель, врач, актер – профессии от Бога! – вещает очередной чиновник, забыв, что он атеист.
Раневская вздыхает:
– Только зарплаты от государства...

* * *

– Нелегка жизнь актера, чтобы сорвать аплодисменты, нужно посадить голос.

* * *

На профсоюзном собрании актера ругают за пьянство.
– И, наконец, алкоголь разрушает семьи!
Раневская усмехается:
– А бывает, что создает...

* * *

О невыносимом режиссере.

– Нет, он не последняя сволочь, за ним целая очередь.

* * *

– В этот театр больше никто не ходит.

– Почему?

– Туда невозможно достать билеты, всегда аншлаг.

* * *

– Сейчас режиссеры в театре, как кошки: не нагадили, и уже молодцы!

* * *

– Великие экспериментировали в театре. Теперь экспериментируют театром.

* * *

О знакомом режиссере.

Марецкая:

– Не могу понять, хорошее у него зрение или плохое. Он читает то в очках, то без них.

Раневская в ответ:

– Когда читает то, что написано автором, – в очках, когда между строк – без очков.

* * *

Во время нудного собрания, где уныло говорят привычные слова о штампах и посредственности.

– Неправда, штампы и посредственность театру необходимы!

Труппа мгновенно оживилась в предчувствии нового перла.

– Зачем?

– Надо же знать, чего мы лучше.

* * *

Раневская, у которой было ничтожно мало ролей для ее таланта, очень страдала от неза-
нятости. Одна из актрис насмешливо посоветовала:

– Ах, Фаина Георгиевна, наслаждайтесь ничегонеделаньем!

Раневская горько усмехнулась:

– Безделье доставляет удовольствие только тогда, когда у тебя куча неотложных дел.

* * *

Актер сокрушенно читает вывешенный приказ о вынесении выговора:

– Но ведь вчера уже лично зачитали, зачем же нужно вывешивать на видное место!

– Голубчик, у нас только в любви признаются шепотом и на словах, а гадости обязательно
громко и на бумаге.

* * *

– Вы неправы. Он очень любит работу...

Собеседник не соглашается:

– Что-то я не замечал этого!

– ...он часами может смотреть, как другие работают.

* * *

Самих по себе дураков режиссеров и начальников не бывает, их дурость становится
заметна, только когда рядом оказываются подчиненные. Редко кому даже из талантливых акте-
ров удастся выглядеть глупей режиссера.

* * *

На вопрос, чему посвящено предстоящее собрание:

- Назначению виноватых.
- ?!
- Если провал есть, а виноватых нет, их надо назначить.

* * *

– У нас режиссеры научились читать в пьесах между строк то, о чем автор и не подозревал.

* * *

– Раньше актеры в театре служили, потом ролью жили, теперь роли играют, а скоро будут просто присутствовать на сцене. Навесят таблички: «Иванов», «Гаев», «Лопухин»... а остальное зритель пусть сам додумывает.

* * *

– Театр жив, пока на сцене «Три сестры», а в зале толпа народа. Вот если будет наоборот, тогда конец...

* * *

Актрисе, фальшиво играющей роль Дездемоны:

- Милочка, вы сильно рискуете.
- Вы думаете, Отелло, войдя в раж, может задушить меня вполне искренне?
- Боюсь, и ража не понадобится, зрители просто не позволят ему схалтурить.

* * *

Раневская называла средства массовой информации средствами массового уничтожения.

* * *

– У Завадского в театре были три сестрицы. Верка Марецкая – ткачиха, я Бабариха, а Орлова хоть Гвидона и не родила, но по заморским странам все время болтается.

- А почему вы-то Бабариха?
- Из-за жопы.

* * *

Глядя на то, как лихо выплясывает Вера Марецкая на сцене:

- А говорят, ведьм не существует...

* * *

После слов докладчика «...со всеми вытекающими отсюда последствиями...» громко добавляет:

– ...и выдавливаемыми тоже...

* * *

После очень скучного выступления:

– Сорок минут кряхтел, а говна всего-то кучка. Больше выдавить никак не смог.

* * *

На профсоюзном собрании.

– Представьте, какую кучу вопросов нам предстоит разгребать...

Раневская, разводя руками:

– Какую навалили, такую и будем...

* * *

Заведомо зная, что Раневская побывала на неудачной премьере.

– Фаина Георгиевна, вам понравился спектакль?

– Да. Я прекрасно выпалась. Правда, сначала мешало хлопанье кресел, зато потом, когда почти все ушли, стало спокойно. И в гардеробе никакой очереди.

* * *

– От вас никогда не дождешься похвалы!

– Зачем вам моя похвала? Хвалить должны зрители или Завадский. От первых хоть цветы будут, а второй роль даст.

* * *

- Часто общаться на сцене с ней было очень тяжело.
– Раньше театр был другим...
В ответ молчание, актеры сговорились не замечать выпадов Раневской.
– ...актеры лучше играли...
Снова молчание.
– ...по-настоящему...
Убедившись, что ссориться никто не желает, заключает:
– ...а нынче сдохли все!

* * *

Раневская постоянно опаздывала, особенно на собрания или читки пьес, вызывая шквал эмоций у Завадского.

После очередного крика пришла на удивление вовремя, села и тихонько сидела, не вступая ни в какие разговоры. Привыкшие к ее постоянному препирательству актеры даже забеспокоились – не больна ли? Нет, сидит, на часы поглядывает.

До самой Раневской очередь дошла нескоро, но вместо того, чтобы произносить свою реплику, она вдруг объявила:

- Тридцать восемь минут!
– Что?! Разве это в вашем тексте?
– Тридцать восемь минут я могла еще сидеть в туалете, но маялась здесь.

И спокойно произнесла реплику, положенную по роли. Рабочий настрой был сбит. Завадский кричал:

- Лучше бы вы отсутствовали, чем издеваться!
– Вы требуете? Выполню.

* * *

- Завтра спектакля не будет.
– Почему, Фаина Георгиевна?
– В главной роли Орлова, а она не того оттенка перчатки из Лондона привезла. Придется за новыми лететь. Какой уж тут спектакль...

* * *

- У Юрского много талантов и один огромный недостаток.
– Какой?
– Поздно родился, уже не успеет поставить для меня много спектаклей.

* * *

- Генка Бортников человек для театра полезный, – заявляет Раневская.
 - Конечно, он же очень популярный актер.
 - Да, если начало спектакля задерживается, его можно выпустить на сцену покрасоваться, минут на пятнадцать задержит. Если вовсе срывается – отправить в фойе раздавать автографы. Пока он раздает, можно еще одну репетицию провести...
 - Он действительно популярен у зрительниц.
 - Вот и я о том же. Его выпустить из театра, немного подождать, пока оттянет на себя всю толпу у входа, и можно уходить незамеченными.
- Актер Геннадий Бортников заслуженно был любимцем публики, и его у выхода действительно всегда поджидали толпы восторженных поклонниц.

* * *

- Фаина Георгиевна, у вас много поклонников?
- Полный зал. Видите ли, от рампы до первого ряда довольно далеко, а бинокли есть не у всех. К тому же разглядывают не меня, а ноги Орловой или зад Марецкой.

* * *

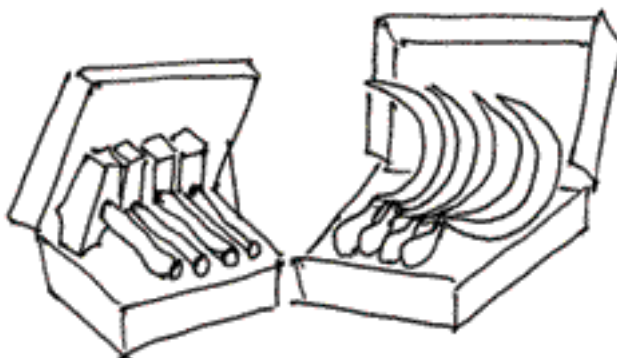
- Раневская обожала «сокращать» названия, особенно приевшиеся, например: Герой труда – Гертруда. Иногда это приводило к казусам.
- Положенный прогон спектакля перед очередным чиновником. Труппа в сборе, даже Раневская уже пришла, а чиновница опаздывает. Не выдержав, Фаина Георгиевна вопрошает хорошо поставленным голосом на весь зал:
- Ну, и где наша ЗасРаКа?
- ЗасРаКа – Заслуженный работник культуры.

* * *

- Однажды Раневская и Бортников застряли в лифте из-за отключенного света. Просидели недолго, но, выбравшись на волю, Фаина Георгиевна вдруг заявила:
- Гена, вы обязаны на мне жениться. Я скомпрометирована.

Бортников годился ей во внуки, мало того, сама Раневская относилась к нему, как к своему внуку.

* * *

В театре, как и во всех других учреждениях культуры (и не только культуры), дважды в неделю проводились политзанятия, для которых полагалось конспектировать работы классиков марксизма-ленинизма, а по окончании учебного года сдавать своеобразный экзамен на «политическую зрелость».

Конечно, к актерам не очень придирались, но пропустить возможность немного поиздеваться над народными артистами тоже не могли, хотя принимали у них этот экзамен отдельно от остальных.

Первым «допрашивали» Завадского. Ему решено задать очень серьезный вопрос:

– Расскажите о работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Солидный и важный Завадский несколько секунд, словно размышляя, крутил в руках свой знаменитый карандаш, без которого не появлялся нигде, потом важно кивнул:

– Знаю! Дальше...

Чуть растерявшиеся члены комиссии вспомнили другую работу:

– Хорошо, расскажите о работе Энгельса «Анти-Дюринг».

Ситуация повторилась, Завадский чуть подумал и снова кивнул:

– Знаю! Дальше...

Поняв, что ничего не добьются, Завадского отпустили.

Следующей экзекуторам «попалась» Вера Марецкая, ее решили подробно расспросить о троцкизме.

– Троцкизм – это... – горестным голосом начала великолепная актриса, – это...

И вдруг она принялась буквально заламывать руки в отчаянье:

– Это такой ужас! Такой кошмар! Я... я не могу... не заставляйте меня рассказывать об этом ужасе...

Ее поспешно отпустили, чтобы не случилось истерики.

Раневской не пришлось отвечать на подобные вопросы, но Марецкая ехидно поинтересовалась, как Фаина вышла бы из такого положения.

– Я? Я бы подробно рассказала, как проклятый троцкизм сказался на моей судьбе.

– На твоей судьбе? Как он мог сказаться?!

– Не важно, главное, им пришлось бы выдержать рассказ о моей несчастной юности, загубленной молодости и почти погубленной старости. Я бы рассказала им о том, как едва

не полюбила троцкиста, и что этот мерзавец мог со мной сделать, не раскуси я его подлую троцкистскую сущность.

Марецкая, ценившая шутку и обладавшая прекрасным чувством юмора, смеялась:

– Как жаль, что это не пришло в голову мне. Надолго отбила бы охоту устраивать подобные экзамены.

* * *

Бортников славился своей нетрадиционной ориентацией, что, с одной стороны, скрывалось, с другой – обсуждалось даже на собраниях.

Однажды, выслушивая нападки на своего любимца, Раневская вдруг пробасила:

– Что же за страна такая, где человек не может распорядиться своей жопой, как ему нравится?

* * *

В великолепном спектакле «Дальше – тишина», где Раневская и Плятт играли главные роли, Фаину Георгиевну страшно раздражало обилие реквизита на сцене, она жаловалась, что не пройти. Особенно протестовала против взгроможденного на шкаф велосипеда, требуя убрать этого монстра.

Рабочие сцены убирали, но на каждой следующей репетиции велосипед появлялся снова. Раневская утверждала, что это нарочно, чтобы убить ее.

Однажды, когда репетировали сцену без участия Раневской, которая наблюдала из зала, велосипед действительно грохнулся. Актеры успели отскочить в стороны, никто не пострадал, но испугались основательно.

Раневская утверждала, что это было покушение на нее лично, которое попросту сорвалось.

* * *

– У этой актрисы прекрасное образование...

– Вы уверены, Фаина Георгиевна? Она вообще непонятно как попала на сцену.

– Как попала, как раз понятно. Но ее образования вполне хватает, чтобы расписываться в ведомости на зарплату, и это хорошо.

– Чем же это хорошо?

– Представляете, что было бы, окажись она грамотней? Она писала бы пьесы!

* * *

С тоской:

– Теперь в театр ходят в чем попало, в том, в чем и на работу... скоро вовсе будут в пижамах ходить.

– Фаина Георгиевна, какая вам разница, в чем сидят зрители? Главное, чтобы они приходили, смотрели и слушали.

– Смотреть и слушать они могут в кино, а в театр ходят душу лечить. Для этого настрой нужен...

* * *

– Тротуары у театра в дни спектаклей вымощены поклонницами Генки Бортникова.

* * *

– Фаина Георгиевна, вас так любят зрители!

– Не меня – моих героинь. За ними меня никто не видит.

* * *

– Раньше были прекрасные пьесы и гениальные режиссеры, потом режиссеры стали просто хорошие, теперь режиссеры говно, осталось испортиться пьесам, и театра не будет.

* * *

– Вы счастливый человек? У вас столько поклонников, такая популярность...

– Разве в этом счастье? Счастье – это когда ты нужна, а когда, кроме Мальчика, в тебе никто не нуждается, разве это может быть счастьем?

Мальчик – собака Раневской, дворняга, которую она подобрала на улице больной и выжидала.

* * *

- Страшно раздражают актерские улыбки.
- Почему?
- Никогда не знаешь, всерьез или это ради репетиции?

* * *

- Отрепетировать можно все, кроме собственного рождения.

* * *

Марецкая о новом актере, который непонятно как оказался в театре:

- Боже мой, как он будет играть, он же заикается?!

Раневская «успокаивает»:

- Не переживайте, это только когда разговаривает!

* * *

Раневскую пытаются убедить в необходимости присутствовать на каком-то скучнейшем заседании. Она, потупив глаза, басом:

- Не могу, у меня сегодня свидание...

Собеседник на несколько мгновений теряет дар речи, опомнившись, зачем-то интересуется:

- С кем?
- С самой собой. Я не могу ни пропустить, ни опоздать, голубчик, извините.

* * *

– Актеры разучились играть так, чтобы зрители не замечали ошибок костюмеров или рабочих сцены, а также их собственных оговорок. Вот когда в монологе Гамлета «Быть или не быть – вот в чем загвоз» зрители не услышали последнего слова, можно было не сомневаться – перед нами настоящий Гамлет. А если зрители из зала подсказывают: «Пить или не пить...», это значит – ни Гамлета, ни Шекспира на сцене нет.

* * *

– Никто не может быть абсолютно похожей на Любовь Орлову!
Не замечавшие у Раневской приступов льстивости актеры ждут продолжения, которое следует незамедлительно:
– Даже ей это не всегда удается!

* * *

Актриса, большая любительница сплетен, передала Раневской, что о ней плохо думает некто N. Раневская только пожала плечами:
– Я давно уже ему отомстила.
– Как?
– Подумала о нем еще хуже.

* * *

Раневская и Марецкая сокрушаются из-за изменений во внешности.

Раневская:

– Раньше смотрела в зеркало в гримерке и видела молодую девушку, которую нужно загримировать в старуху. А сейчас вижу старуху, которую и гримировать не нужно.

Марецкая:

– А у меня наоборот. Раньше видела молодую девушку, которой грим не нужен, а теперь вижу старуху, которую нужно раскрасить, как молодую.

* * *

– В нашем театре любая актриса может стать примой, при условии, что это Верка Марецкая или Любовь Орлова.

* * *

– Это так сложно, так сложно: сначала написать, а потом сыграть пьесу так, чтобы зрители не приняли антракт за финал и не бросились в гардероб. Станиславский неправ, сказав, что театр начинается с вешалки. Гардероб – лакмусовая бумага, если там много пальто и мало людей – спектакль удался, хуже, если наоборот.

* * *

– От Генки Бортникова можно заразиться оптимизмом, а от NN только насморком.

* * *

– N талантливая актриса.

– Раньше вы были иного мнения.

– Разглядела. Она даже ответственность снимает с себя так, словно это ночная рубашка.

Не всякой дано.

* * *

На профсоюзном собрании разбирают сильно пьющего работника, с укором говорят о деградации личности. И вдруг голос Раневской:

– Я против, у NN не может деградировать личность.

Ясно, как всегда, особое мнение...

Но Раневскую все же просят высказаться ясней.

– У него таковой нет, – коротко поясняет актриса.

* * *

– Вы знаете, N умер. Говорят, на его похоронах искренне рыдала его невеста и несколько друзей...

Раневская задумчиво:

– Значит, наследства не оставил, а вот должен был многим...

* * *

– Сегодня еще раз посмотрела фильм «Золушка». Знаете, Жеймо играет с каждым разом все лучше, а вот я все хуже.

В том фильме Янина Жеймо играла Золушку, а Фаина Георгиевна мачеху.

– Фаина Георгиевна, как вы можете играть на разных сеансах по-разному, это же фильм, все снято на пленку? Кино тем и отличается, что ничего нельзя изменить, как сыграли, так и сыграли.

Раневская упрямо:

– Это вы в своем фильме «Рассвет в Вездесранске» сыграли плохо на века, а Жеймо с каждым разом играет лучше.

* * *

– Фаина Георгиевна, в жизни нужно быть предусмотрительной. Вот я по примеру зарубежных звезд застраховала свой голос на кругленькую сумму, – сообщает знаменитая певица.

Через неделю, побывав на ее выступлении, звонит Раневская:

– И что вы купили на эти деньги?

– Какие деньги, Фаина Георгиевна?

– Вы сказали, что был голос, и вы его застраховали. Деньги-то получили?

– Я его не теряла.

– А что тогда страховали?

* * *

Услышав отзыв о карьерном взлете немолодого уже актера, мол, у него открылось второе дыхание:

– К сожалению, искусственное...

* * *

Талантливейшего и очень любимого зрителями актера Геннадия Бортникова без конца ругали за однополую любовь.

Раневская возмущенно:

– Идиоты! Генку Бортникова любят за талант. Если бы зрители любили за задницу, я была бы прямой.

* * *

– Он щедрый, ему для друзей ничего не жаль из того, чего у него нет.

* * *

Раневскую убеждают:

– Что вы, Фаина Георгиевна, он свой в доску!

– Надеюсь, не в мемориальную...

* * *

В доме отдыха у актрисы в номере плохо закрывается задвижка входной двери. Прося администратора исправить положение, актриса кокетливо спрашивает:

– А если меня украдут?

Присутствующая Раневская успокаивает ее:

– Разглядят – вернут на место.

* * *

– Полно вам, у этого актера всего один недостаток.

– Какой, Фаина Георгиевна?

– Отсутствие всех достоинств.

* * *

– Гениальный актер спит в каждом. К сожалению, у большинства мертвым сном!

* * *

После очередного едкого замечания Раневской актриса раздраженно:

- Фаина Георгиевна, вам нравится оскорблять и унижать людей?
- Кто вам сказал, что нравится? Может, я делаю это с усилием?

* * *

- Фаина Георгиевна, о чем вы мечтаете?
- В будущем пожить по-настоящему...

* * *

О некоем чиновнике «от искусства»:

- Он такой решительный! Даже позволяет себе позволять.
- Фаина Георгиевна, вы бы поосторожней с теми, кто может испортить вам жизнь.
- Испортить жизнь может даже постельный клоп, причем еще как! Что же, я должна с клопами раскланиваться при встрече?

* * *

- Уйду в ТЮЗ зайчиков играть...
- Фаина, какой из тебя зайчик?
- Со вздохом:
- Значит, толстую разожравшуюся слоницу.

* * *

Со вздохом, после очередного замечания за опоздание:

– Когда применяют кнут, о пряниках как-то забываешь...

* * *

– У лаврового венка важно не промахнуться с размером, не то будет лежать на плечах
вместо головы.

Раневская и Завадский

С главным режиссером театра имени Моссовета Юрием Завадским у Раневской были особые отношения.

Завадский пригласил ее в театр, обещая новые роли (так с Раневской поступали все режиссеры, и все не сдерживали обещаний).

Одна из самых популярных ролей Раневской – спекулянтка в спектакле «Шторм» по пьесе Билль-Белоцерковского. Эпизод с допросом спекулянтки так любили зрители, что ходили на спектакль, не интересуясь остальным действием. Дошло до того, что зал стал заполняться только к данной сцене.

Взбешенный Завадский распорядился не пускать никого в театр после третьего звонка. Зрители стали проводить время до выхода Раневской в фойе, туалете или буфете.

Приказал не пускать в зал опоздавших. Но хитрецы и тут нашли выход: кто-то из зала просил выпустить его в туалет, и вслед за вышедшим на минутку устремлялись все, кто куковал в фойе.

Завадский принялся переставлять сцену – то в первое действие, то в последнее... На любую хитрость главрежа находилась своя зрительская. Билетерши и администраторы тоже очень любили эту сцену и подсказывали пришедшим, когда выйдет Раневская.

Шум в зале перед сценой допроса, хлопанье стульями и шиканье комкали все действие, а перерыв на долгие аплодисменты после сцены и вовсе лишал спектакль смысла. Завадский кричал на Раневскую на репетиции:

– Своими фокусами вы сожрали весь мой режиссерский замысел!

Та парировала:

– То-то у меня ощущение, будто говна наелась!

Присутствующие актеры делали вид, что страшно простудились, кашляли, стараясь скрыть смех за носовыми платками.

Закончилось все тем, что Завадский попросту убрал роль спекулянтки из спектакля. На «Шторм» некоторое время еще ходили в надежде, что Раневская снова выйдет на сцену, а когда стало ясно, что нет, билеты больше не раскупались вообще. Спектакль закрыли.

Но пока еще шли бои местного значения, и Завадский переставлял сцену, Раневская предложила играть ее «на бис» в каждом акте, чтобы зрители сидели в зале все время.

* * *

– Что великого сделал Завадский в искусстве? Выгнал меня из «Шторма».

* * *

Наверное, больше, чем Завадскому от Раневской, не доставалось никому.

У Юрия Александровича была своя прима, даже две – его бывшая супруга Вера Марецкая, игравшая передовых тружениц, и Любовь Орлова, известная своим европейским лоском. Раневская со своим острым языком в эту компанию не вписывалась.

И все же, когда Завадский, Орлова и Марецкая один за другим умерли от рака, Раневская горевала искренне.

* * *

Завадский в отчаянье:

– Публика просто не способна понять замысел этого спектакля!

Раневская тут же советует:

– Поменяйте публику.

Завадский ехидно:

– Посоветуйте как.

– Напишите на афише: «Спектакль только для тех, кто способен понять!» Будет аншлаг, все решат, что признаваться в неспособности неприлично.

* * *

Завадский услышал, как Раневская говорит по его поводу:

– Завадский любит, чтобы ему говорили правду в лицо, даже если после того правдолюбца уволят.

– Я же вас не увольняю, Фаина Георгиевна.

– Бойтесь, что я уйду и скажу эту правду в другом месте.

* * *

– Если Завадский умрет, я умру тоже.

– Почему, Фаина Георгиевна, вы его так любите?

– Не от тоски, от избытка желчи. Мне не на кого будет ее изливать.

* * *

– Завадский опорочил меня перед потомками.

– Чем, Фаина Георгиевна?

– Он гениальная сволочь. Но потомки забудут, что сволочь, зато будут помнить, что гениальная. А если гений не дает роли Раневской, значит, Раневская говно.

* * *

Завадский молоденькой актрисе, которая еле слышно пролепетала фразу:

– Голос, где голос?! Вас никто дальше ramпы не услышит!

Раневская пожимает плечами:

– При таких ножках кто будет слушать-то?

* * *

– Это ваши слова, Фаина Георгиевна?! – возмущается по какому-то поводу Завадский.

– Нет, я их взяла взаймы.

* * *

Завадский возмущенно:

- Фаина Георгиевна, я не понимаю вашу женскую логику!
- Куда вам, вы же мужчина...

* * *

- Бывают перпетум-мобиле, а Завадский перпетум-кобеле.

* * *

Завадский очень любил проводить своеобразные лекции об актерской игре и театре вообще. Не ходить на них считалось неприличным, боялись, что заметит.

Однажды после такой длинной и скучной лекции с самолюбованием он спрашивает непривычно тихую Раневскую:

- Фаина Георгиевна, что-то вас давно не слышно?
- Это чтобы умней казаться. Те, кто молчат, всегда умней выглядят. Вы брали бы пример...

* * *

Завадский в сердцах:

- Невозможно заставить двух женщин согласиться друг с дружкой!

Раневская, спокойно пожимая плечами:

- Ну почему же? Предложите им обсудить третью...

* * *

Актер сомневается, услышал ли Завадский то, что он сказал. Раневская обнадеживает:

- Не услышал. Завадский никогда не слышит, если говорят не о нем.

* * *

Завадский был женат несколько раз.

Его женой была актриса Вера Марецкая. Раневская говорила:

– Завадский предпочел видеть Верку на сцене, наверное, дома по утрам она представляет неприглядное зрелище.

Женой Завадского была Ирина Вульф – дочь Павлы Леонтьевны Вульф, в доме которой Фаина Георгиевна много лет жила и которую считала своей приемной матерью. Правда, сына Ирины называла своим «эрзац-внуком». Ирина была режиссером.

Женой Завадского была и великая балерина Галина Уланова.

– Завадский не вынес болтливых актрис и выбрал себе в жены балерину, чтобы молчала.

Молоденькой актрисе, страстно желавшей понравиться Завадскому, Раневская посоветовала:

– При его приближении вставайте на цыпочки и молчите.

– Почему?

– Чтобы быть похожей на балерину. Да, и еще прекратите кушать, балерины все тощие.

* * *

Завадский, устав от спора с Раневской, машет рукой:

– Ладно, пусть будет по-вашему!

Та торжествующе:

– Поздно, я уже передумала!

* * *

Услышав упоминание, что у них с Завадским постоянно идет война, Раневская вдруг задумчиво нахмурилась:

– Скажите, а всякие там Конвенции не отменили?

– Какие конвенции, Фаина Георгиевна?

– Ну, военные, по поводу пленных...

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Если я одержу победу, мне же Завадского содержать придется.

Немного подумав:

– Может, проиграть, пусть он меня содержит, у него кошелек толще.

* * *

– Завадского излечили от мании величия. Теперь он человек непревзойденной, фантастической, феноменальной скромности.

* * *

- Мне нужно в магазин.
- Что-то срочное, Фаина Георгиевна?
- Да, брюки купить.
- Вы же не носите брюки?
- Вчера Завадский сказал, что если увидит меня в брюках, то непременно получит инфаркт. Ради этого стоит надеть.

* * *

- Бывает взаимная любовь. У нас с Завадским взаимная нелюбовь. Но мне лучше то, что есть.

* * *

- С Завадским трудно. Если я молчу, он тут же воображает, что он прав. Если спорю – считает так вдвойне.

* * *

Раневская часто опаздывала. Когда у Завадского бывало хорошее настроение, он норовил ее поддеть по этому поводу:

– Фаина Георгиевна, почему вы снова опоздали?

Та невозмутимо:

– Поздно вышла из дома.

– Почему же было не выйти пораньше?

– Выходить пораньше было тоже поздно, голубчик...

* * *

Разгневанный Завадский кричит:

– Зла не хватает!

Раневская услужливо:

– Могу одолжить.

* * *

– Театр начинается с вешалки! – напоминает на собрании Завадский, намереваясь устроить разнос за какой-то недочет в работе гардероба, хотя его, как главрежа, это не касалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.